

ANNALES INSTITUTI SLAVICI
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS

Slavica

XLIII

EDITIONEM CURANTE
KORNÉL KOVÁCS

ADIUVANTE
JÓZSEF GORETITY

REDIGUNT
KLÁRA AGYAGÁSI

DEBRECEN UNIVERSITY PRESS
2014

DSc Klára AGYAGÁSI, University of Debrecen, Hungary
 DSc Janusz BAŃCZEROWSKI, Eötvös Lóránd University, Budapest, Hungary
 DSc Petar SOTIROV, Maria Curie Skłodowska University, Lublin, Poland
 DSc Katalin SZÓKE, University of Szeged, Hungary
 DSc András ZOLTÁN, Eötvös Lóránd University, Budapest, Hungary
 Dr. habil. József GORETTY, University of Debrecen, Hungary
 Dr. habil. Lajos András KISS, College of Nyíregyháza, Hungary
 Dr. habil. Ildikó REGÉCZI, University of Debrecen, Hungary
 PhD Natália SAJTOS, University of Szeged, Hungary

Журнал основан в 1961 году
 European Research Institute for Humanities Category NAT

Книги принимаются для рецензии по адресу: H-4032 Debrecen Egyetem tér 1.
 Адрес редакции: szlavisztika.intezet@arts.unideb.hu

ISSN 0583-5356

Дебреценский университет
 Издатель: Zoltán SZILVÁSSY, ректор университета
 Оригинал-макет подготовлен Институтом Славистики Дебреценского
 университета
 Отпечатано в отделе репрографии Дебреценского университета

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание	7
Klára AGYAGÁSI: Опосредование лексических единиц как характерный действующий механизм доминантного болгарского языка Волго-Камского языкового ареала.....	9
Leся ГЛИВИНЬСКА: Лінгвопоетична теорія Олександра Потебні: відповіді на запити когнітивізму.....	19
Petar SOTIROV: O koncepcie <i>honori</i> jako składniku językowo-kulturowego obrazu świata Bułgarów.....	49
Вера ЛЕДЕНЕВА: Репрезентация концепта «труд» в современном общественно-политическом дискурсе.....	63
Культурология	71
Борис ТАРАСОВ: Актуальное значение русской историософской мысли в эпоху глобализации.....	73
Olga SZÜCS: Общее и специфическое в попытках легитимации гуманитарных наук – опыт России в начале XXI-го века.....	82
Дмитрий ДЬЯКОВ: Чёрная земля Воронежа: Образ русского города в европейской литературе.....	88
Alexandra MEDZIBRODSZKY: Имманентный и трансцендентный апокалипсис: эсхатологические взгляды Н. Ф. Федерова и Н. А. Бердяева.....	105
Литературоведение	115
Наталья ИВАНОВА: Соблазн и вызов: литературное сегодня в свете русской классики.....	117
Тамара ДЬЯКОВА: Пародия как инструмент реализации постмодернистской парадигмы в литературе.....	131
József GORETTY: Новый реализм как особое продолжение реалистической традиции русской литературы.....	143
Annamária VASS: Разрыв с морализирующей традицией русской литературы О ремейке.....	154
Zsuzsanna KALAFATICS: Мотивы информационных технологий в творчестве В. Пелевина.....	165
Ranjana SAXENA: Русская женская проза XIX века и формирование «женского мирозерцания».....	176

Ildikó REGÉCZI: Диалог между текстами XIX и XX веков на уровне метафорических пространств Людмила Улицкая и Иван Гончаров.....	186
Tünde SZABÓ: Образ смерти-воскресения и его трансформация в четырех произведениях XIX и XX веков	196
Katalin SZŐKE: «Двойное отражение». Параллели с живописью стиля модерн(сецессиона) в повести Михаила Кузмина.....	210
Обзоры и рецензии.....	221
Алиса ГАНИЕВА: Русские химеры. Главные тренды современной русской литературы	223
Dominika ZOLTÁN: Маттиас Фрайзе, Проза Антона Чехова: монография. Пер. с нем. В. А. Андреевой, Е. А. Гончаровой. Под. ред. И. В. Корина, Х. Л. Маишевой. Москва, 2012.....	226
Enikő BAGOLY: Путеводитель к лабиринту Набокова Джонсон, Дональд Бартон Д42 Миры и антимирy Владимира Набокова / Пер. с англ. – СПб, 2011	230
Krisztina KISSNÉ KOVÁCS: Татьяна Владимировна Чернышова «Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России» Москва, 2014.....	238
Wiesław Tomasz STEFAŃCZYK: Janusz Bańczerowski. A világ nyelvi képe. A világ mint valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban. Budapest, 2008	241
Wiesław Tomasz STEFAŃCZYK: Quo vadis philologia temporum nostrorum? Korunk civilizációjának nyelvi képe. Feladatok és lehetőségek. Red. Vilmos Bárdosi. Budapest, 2009	242

шей собственное учение о «ничто» и собравшей вокруг себя большое количество депрессивных поклонников. Правда, сейчас ее знают больше как автора маргинальных кругов, чем автора конкретных текстов.

Что касается поэзии молодых авторов, то критики находят здесь те же черты, что я обозначила как присущие прозе - отчуждение, инфантилизм, аутизм, тяга к перемене мест и к перемене вообще. Скорее всего, российская литература просто проходит очередную переходную стадию, отсюда и разнообразные образы, и химеричность современных текстов, в которых реализм и модернизм сочетаются самым причудливым образом.

Алиса ГАНЬЕВА

МАТТИАС ФРАЙЗЕ, ПРОЗА АНТОНА ЧЕХОВА: МОНОГРАФИЯ. ПЕР. С НЕМ. В.А. АНДРЕЕВОЙ, Е.А. ГОНЧАРОВОЙ. ПОД. РЕД. И.В. КОРИНА, Х.Л. МАИШЕВОЙ. МОСКВА: ФЛИНТА, НАУКА, 2012. ISBN 978-5-9765-1330-3, 376 с.

Монография профессора Гёттингенского университета имени Георга-Августа вышла в 1997 г. на немецком языке (*Die Prosa Anton Čechovs*). Она была переработана и дополнена автором и редакторами для рассматриваемого здесь русского издания. Первая, большая по объему его часть – анализ шестнадцати рассказов Чехова, во второй суммируются выводы, результаты анализа произведений, автор на новых основах обдумывает поэтику Чехова и место его творчества в истории литературы. Анализ произведений дается в хронологическом порядке: *Живая хронология, Мелюзга, Злоумышленник, Шуточка, На реке, Перекати-поле, Святою ночью, Знакомый мужчина, Мечты, Красавицы, Чёрный монах, Учитель словесности, Моя жизнь, Мужики, Печенег, Душечка*. При выборе корпуса текстов критериями автора являлись охват «как можно большего числа этапов творчества Чехова» и включение таких текстов, которые в предыдущих исследованиях еще не были объектом глубокого анализа. Открытие до сих пор неизвестных шедевров хотя важная и радостная, но не единственная цель монографии Фрайзе. В поисках глобальной мысли в творчестве Чехова автор демонстрирует эффективность усовершенствованных и новых методов и на уже хорошо исследованных текстах.

В монографию не входят тщательные анализы произведений кризисного периода (с конца 1888 по конец 1893 гг.), и это объясняется тем, что Чехов в это время был в поисках нового стиля. Он «пытался найти его у других писателей, [...] возвращался потом (для того, чтобы показать новое начало?) к коротким юмористическим рассказам прежних лет». [с. 101] Родившиеся под влиянием Толстого и Достоевского «Скучная история» и «Палата № 6» – два самых известных рассказа этих лет. Однако Фрайзе анализирует не их. В главе «Годы кризиса» иллюстрацией он выбирает пять коротких сценок. Они,

на первый взгляд, маргинальные, но, по Фрайзе, играют важную роль в раскрытии дальнейшего пути творчества и причин кризиса. Все пять – метапоэтические произведения, рефлекслирующие об искусстве и кризисе творчества (*После театра, Отрывок, Из записной книжки старого педагога, История одного торгового предприятия, Рыбья любовь*).

Как и в диссертации по философской эстетике Михаила Бахтина (Michail Bachtins philosophische Ästhetik der Literatur, 1993), в монографии Фрайзе ведет дискуссию со своими учителями: Бахтиным, Чудаковым, Шмидом, Вехтером. Для анализа рассказов используется двойная модель эстетического объекта Бахтина в развитой форме: Фрайзе добавляет к ее двум уровням – *композиции* и *архитектонике* – еще один – *тематический* (уровень эксплицитно высказанного, что соответствует понятию *материала* в русской формальной школе). Этот уровень в монографии является первой ступенью в процессе конструирования смысла.

Тематически ориентированное чтение в случае произведений Чехова сталкивается с дефицитом реалистической мотивации, что инициирует поиск эстетической мотивировки, т.е. смысловых структур. Открытие семантических эквивалентностей приводит к осознанию абсолютной случайности фиктивного мира – это служит еще одним стимулом к поиску смысла. Следующий уровень – это уровень художественного приема или композиции, где фабула становится сюжетом. И последний – уровень архитектоники, где должен рождаться смысл. Фрайзе рассматривает тексты всегда на каждом из трех уровней, так как ставит целью сделать шаг от разных (уже глубоко исследованных) художественных приемов и эквивалентностей к воссозданию «человеческой архитектоники» рассказов Чехова.

На тематическом уровне автор обращает особое внимание на две спорные темы, которые редко обсуждаются – это темы сексуальности и религии. Эти аспекты раньше появлялись в научной литературе только как «часть панорамы российской действительности». Фрайзе успешно показывает, что сексуальность как часть личности и религия как одна из несущих субстанций смысла органически связаны с конструированием смысла.

При раскрытии композиции и установлении художественных приемов используется инструментарий Шмида и Вехтера, которые создали аналитический поэтический подход к прозе Чехова (лейтмотивные звуковые повторы, реконструкция парадигмы персонажей / ситуаций / действий / предметов / мотивов, анализ орнаментальной структуры), к ним Фрайзе добавляет еще два приема. Во-первых, анализ поговорок и клише в речи героев: как ни странно, смысл у Чехова скрыт в поверхности, и восстановление буквального значения этих опустошенных, на первый взгляд, фраз может показать глубину экзистенциальной ситуации персонажа. Во-вторых, автор монографии добавляет экстенсивную символику цветов, особенно черного, белого и зеленого, поскольку у Чехова они заряжаются стабильной семантикой и становятся универсальными символами (белый – спасение, черный – смерть, зеленый – надежда).

На третьем уровне, на уровне архитектоники, ранее установленные связи рассматриваются с точки зрения релевантности в смыслообразовании (как у Шмида). Понять художественное произведение значит «воссоздать структурную архитектуру эстетического объекта, или «смысловую архитектуру» (по Бахтину), которая в ответ на это изменит мою индивидуальную человеческую сущность», пишет Фрайзе [с. 19]. Без этого шага приемы и эквивалентности остаются полуфункциональными.

Автор монографии ставит вопрос: что приводит в движение гадамерский круг понимания у Чехова? Ведь его рассказы категорически отказываются от общепринятых, самовыявляющихся житейских смыслов, которые обычно являются такого рода двигателем. Этот отказ от смысла побуждает читателя – который все-таки ищет какой-то смысл – обратить внимание на приемы. Но у Чехова и приемы не оказываются проводниками смысла – наоборот, они механически уничтожают житейский смысл изображаемого. Фрайзе мимоходом замечает, что прообраз этого страшного круговорота уничтожаемого и снова рождаемого смысла можно увидеть в мифе о Сизифе. (У читателя возникает закономерный вопрос: насколько этот Сизиф похож на Сизифа Камю, в образе которого воплощается ситуация человека абсурда? Фрайзе исключает абсурд из своего анализа.)

Центральным семантическим посылом чеховского творчества является, по Фрайзе, надежда, она и есть ключ к конструированию смысла чеховских произведений. Надежда как напряжение между пустотой и трансцендентальностью двигает чеховский сюжет. Но откуда вырастает надежда, на какой почве, и как она рождает смысл в таких безнадежных условиях? Именно этот путь показывает автор монографии читателям – путь осмысления текста от случайностной тематической поверхности – через «перемальвание» фиктивного мира и уничтожение жизненного быта «в жерновах» художественных приемов до рождения под давлением «безнадежной надежды» настоящего, уже не житейского смысла.

Реконструированная схема пути героев выглядит так: они живут обыденной жизнью, в какой-то момент эта жизнь обесмысливается, герой конфронтует с ничтожностью жизни (это делает любое действие бесполезным), он обращает взор в бесконечную даль, там неожиданно открывается видение, смысл, это иллюзия, но необходимая иллюзия (не дискредитирует героя). Очевидно, переломный момент здесь – это ситуация, которая приводит героя к утрате смысла жизни. В тексте она происходит мимоходом, «случайно» и кажется ничтожной. Однако ее интерпретируемость может выбить героя из привычной колеи. Герой способен интуитивно толковать знаки, и читатель должен следовать его примеру – понять ситуацию и ее толкование. Так выстраивается параллелизм, метаэквивалентность между путем героя и путем понимания читателем текста. Читатель должен пройти три фазы, соответствующие пути героя: тематическое содержание – конструктивное содержание художественного приема – смысл.

Здесь еще раз возникает понятие «случайности», которое и для самого Чудакова оказалось проблематичным. По Фрайзе у Чехова «нет ни одной детали, которая только лишь указывала бы на свою случайность». Разные подходы к видимо не мотивированной чеховской детали иллюстрирует падение официанта Николая с подносом, на котором «ветчина с горошком» в рассказе «Мушкетеры». Фрайзе отделяет *реальную* и *реалистическую* мотивировку. В отношении первой горошек и ветчина появляются отнюдь не случайно, их функция – закрепить действительность повествования, и здесь неважно, какая именно еда будет на подносе. А реалистическая мотивировка свойственна поэтике реализма – она указывает, что деталь необходима в фабуле и что ее функция в фабуле одновременно и эстетическая. Этой мотивировки у горошка и ветчины нет.

Отсутствует реалистическая мотивировка, но сама деталь не случайная и не необязательная. Существует ли третий статус вещи в таких ситуациях? Фрайзе предлагает освободиться от этой дихотомии с помощью понятия «присутствующего» Хайдеггера. «[...] смысл возникает там, где нарушается функциональная связь в обыденной жизни, или «поручность» вещей, по М. Хайдеггеру («Бытие и время»). Значит, Чехов нарративно симулирует это нарушение, отказываясь от реалистической мотивировки.» [с. 280] Это только один из примеров того, как автор монографии переносит приемы на уровень смысла с помощью понятий экзистенциализма.

По прочтении этой короткой рецензии может показаться, что метод и книга в целом слишком эклектичны. Однако здесь упомянуты только самые характерные черты инструментария, которым автор так искусно пользуется, при этом никогда не забывая о первичности самого текста. Монография представляет собой всестороннюю, хорошо структурированную научную работу, точно улавливает узловые пункты в исследованиях Чехова и, вступая в дискуссию, предлагает свою их интерпретацию. В ходе анализа и рассуждений успешно доказывается правомерность гипотезы о ключевой роли надежды в конструировании смысла. Создание этого смысла внутри фиктивного мира принадлежит герою, а внешнего – читателю. Для этого нужно всего лишь одно условие: верить в возможность смысла, так как без этого и надежды быть не может. Но «эта надежда всякий раз осуществляется заново при погружении в структуру самого текста.» [с. 21] Так и действует автор монографии «Проза Антона Чехова».

Dominika ZOLTÁN
языковой консультант: Майя КАЛМЫКОВА